Девять камер ее сердца

Автор:
Джанис Парьят

Девять камер ее сердца

Джанис Парьят

Novel. Девять камер ее сердца. Проза Джанис Парьят

«Ты прекрасна, но эгоистична.

Прекрасна, как свет, пробивающийся сквозь стекло».

«Девять камер ее сердца» – не совсем обычная вещь сразу в нескольких отношениях.

Здесь нет основного действующего лица – основная героиня предстает нам в описаниях других персонажей, и мы ни разу не сталкиваемся с ней напрямую, а видим ее только в отраженном свете.

Девять непохожих людей вспоминают свои отношения с женщиной – той, которую они любили или которая любила их.

Эти воспоминания, подобно частям паззла, собраны в единое зеркальное полотно, в котором мы видим цельную личность и связанную с ней историю. Эта история простирается с Востока на Запад через города и годы.

При этом в каждом новом рассказе мы встречаем отзвуки предыдущих историй, и, тем самым, весь текст Джанис Парьят – своего рода зеркальный ряд, коридор отражений, по которому и проходит главная героиня.

Таким образом Джанис Парьят представляет читателям изящную притчу о том, что мы отражаемся в сознании других людей, как в зеркалах. И каждое из этих

зеркал – часть нас.

«Восхитительный роман». – Millenium Post

«Искусное, тонкое, психологически достоверное произведение». – Daily Mail

Джанис Парьят

Девять камер ее сердца

Тому, кто не спит в ночи.

Любить легко.

– Анаис Нин

Святой

Тебе двенадцать, и ты меня ненавидишь.

Ты отказываешься рисовать на моих уроках, потому что считаешь свои рисунки ужасными. А я все пытаюсь объяснить тебе, как любой порядочный учитель, и не важно, верю я в это или нет, что с опытом они станут лучше. Ты не соглашаешься. Тебя бесит, что существует нечто, что ты не можешь делать так же хорошо, как примеры по математике или научные опыты. Я говорю тебе, что это искусство, но вижу, что ты художник науки. Если такое вообще существует.

Другие дети толпятся вокруг столов, самозабвенно рисуя и делая наброски. Некоторые из них по-настоящему одарены. Но о тебе этого не скажешь. Их руки свободно мелькают над холстом и бумагой, словно ведомые неким невидимым духом. Хотя у меня есть грустное ощущение, что это единственный момент их жизни, когда они «занимались искусством». Они вырастут и посвятят жизнь занятиям, которым будет чужда красота.

Почти год назад, в свой первый день работы в этой маленькой школе маленького городка на востоке страны, я велел всему классу нарисовать дерево.

– Какое дерево? – спросила ты.

– Любое.

– Но разных деревьев очень много…

– Меня устроит любое.

Это тебе не понравилось. И, пока ты сидела в нерешительности, все остальные окунали кисти в краску и шлепали по бумаге. Было заметно – когда ты наконец рискнула, тебе было неловко и даже немного стыдно. Твое дерево напоминало зеленый леденец на палочке. И тут я совершил ошибку, подойдя к твоему столу и похвалив девочку справа от тебя.

– Посмотри… Видишь, у нее сквозь ветви виднеется кусочек неба? Это же так и есть, правда? Дерево не сплошное. Между листьями есть просветы…

Ты смотрела на меня с выражением, похожим на ненависть.

В первые же месяцы такое выражение твоего лица стало привычным. Что бы я ни говорил тебе или другим ученикам, ты все воспринимала в штыки. Ты не совершала никаких нарушений, ничего такого, за что можно было бы выгнать тебя с урока и отправить к директору, что, возможно, было бы даже проще. Нет, это был внутренний, скрытый, тайный протест. Ты делала минимум работы. Проводила большую часть урока, глядя куда-то в пространство, или просилась выйти в туалет и не возвращалась до самого звонка. Не принимала участия в уроке и не отвечала на вопросы, а на любой мой прямой вопрос отвечала

мрачным: «Не знаю».

Так мы протянули целый год.

Сегодня я снова получил этот ненавидящий взгляд. На уроке мы рисовали зимний пейзаж, и, взглянув на твой рисунок, я резко спросил:

– Ты когда-нибудь видела чисто белый цвет в природе?

– В смысле? – нахмурилась ты.

– В смысле… Снег же не белый, правда? Там есть оттенки голубого, и серого, и розового, и желтого, и даже лилового… Если бы он был чисто белый, мы бы его не видели.

И тут я совершил свою самую большую ошибку. Я дотронулся до твоего рисунка. Я окунул кончик кисточки в голубой, в черный и в воду и провел им по твоему пейзажу.

Касание тут, линия здесь. Я исправил рисунок, но потерял тебя.

После этого ты вообще отказалась прикасаться к кисточке. Даже под угрозой наказания и плохой оценки.

Ты была самой упрямой из всех известных мне детей и заставляла меня тосковать о временах, когда в школах применялись телесные наказания.

Когда я сказал классу сдать работы на оценку, ты сдала чистый лист.

– Что это? – строго спросил я.

– Белые птицы летят сквозь белые облака.

Я поставил тебе двойку. Потом изменил ее на тройку. Я чувствовал, что это был не твой, а мой провал.

Мы перешли к другим вещам, но ты во всех была на удивление неумелой. Твои наброски натюрмортов были слабыми, работы мелками – грязными. Я не разрешал тебе работать масляными красками – они были дорогими, и мне было велено беречь их для «самых лучших» учеников. Акриловые краски тебя озадачили – ты пыталась рисовать ими, как акварелью, но они слишком быстро высыхали, оставляя яркие пятна цвета в ненужных местах.

Может быть, потом, когда я уже стал опытным преподавателем, я знал бы, что делать с учениками вроде тебя. Но тогда я и понятия об этом не имел.

Я испробовал все – угрозы, подкуп, безразличие, терпение. Я обсуждал проблему с другими учителями, но они просто не понимали меня. На всех их уроках ты была тихой хорошей ученицей. Слегка небрежной в химии, любящей литературу, историю и биологию и интуитивно одаренной в математике. Но это как раз меня не удивляло.

Я чувствовал, что действительно потерял тебя, пока однажды случайно не спросил, любишь ли ты играть с бумагой.

– Как именно? – это тоже прозвучало небрежно.

– Ну, для начала можно складывать фигуры…

Казалось, тебя совершенно не впечатляет эта идея.

– Ты когда-нибудь слышала про оригами?

Ты неуверенно покачала головой.

Как же тебе, наверное, было отвратительно признавать, что ты чего-то не знаешь. Я буквально возликовал.

Я дал тебе листы бумаги и руководство для начинающих. Мне подумалось, что ты предпочтешь его, а не мои указания. Ты изучила страницы, выбрала рисунок, сосредоточилась. Поразительно. У тебя получалось великолепно. С кончиков

твоих пальцев соскакивали журавли и коробочки, лягушки и бабочки, крабы и цветы. Аккуратно и точно, все линии разглажены и сложены с индустриальной четкостью. Это было буквально воплощение безупречности. Каждый был точно такого же размера и формы, что и предыдущий. Ты сидела в углу класса, терпеливо складывая, собирая и выравнивая их всех до полной готовности. Я хотел сказать тебе, что они прекрасны, но побоялся, что это тебя отпугнет, так что просто смотрел и не лез с похвалами.

После этого произошла радикальная перемена.

Ты стала приходить на урок первой, а уходить последней.

Ты следила за мной глазами, когда я перемещался от одной группы учеников к другой и когда кто-то подходил ко мне за помощью. Ты задерживалась в конце урока, показывая мне все, что сделала, и, если я не ошибаюсь, ища моего одобрения.

Сначала я не был уверен, как реагировать. Казаться довольным? Или, в свою очередь, игнорировать тебя? Кажется, в своем смущении я делал и то, и другое, но это тебя не отталкивало. Скорее, кажется, придавало даже большей решимости. Ты подходила ко мне в коридорах, в библиотеке, иногда на пришкольной лужайке и начинала очень милую светскую беседу. Мы говорили о погоде, об обеде и о том, люблю ли я собак или кошек.

– Собак, – сказал я.

– Кошек, – сказала ты.

И на каждый мой ответ следовало: «Почему?»

Почему я предпочитаю горошек, а не картошку? Почему мне нравится велосипед, а не машина? Почему собаки? Почему я вегетарианец? Почему я люблю темный шоколад? Почему я читаю поэзию? Когда я обращал те же вопросы к тебе, ты радостно отзывалась. Ты любишь свеклу из-за цвета. Кошек – за их глаза. Белый шоколад, потому что он не совсем шоколад. Поэзия сбивает с толку. Твои ответы были импульсивными. В этом возрасте все импульсивно.

Ты показывала мне свои контрольные и сочинения, работы, за которые тебя награждали. Я хвалил тебя, как, мне казалось, должен хвалить родитель. Ты говорила, что не особенно любишь спорт. Хотя приходится бегать, кидать и участвовать. Ты любишь музыку, но тебя не привлекают инструменты. «Я люблю петь», – смущенно призналась ты.

– Спой мне что-нибудь.

– Вот прямо так?

– Прямо так.

Мы находились на улице, гуляя по дорожке на школьном участке.

– Что вам спеть?

– Что угодно.

Немного подумав, ты запела. Так тихо, что мне пришлось наклониться к тебе. Это была старая песня из 70-х. Интересно, где ты могла ее услышать. Может быть, ее пели дома твои родители, и ты выросла, слушая ее. Это была песня о том, как человек звонит тому, кого любит и кто бросил его. Это было мило, и глупо, и нелепо в твоем исполнении, но ты допела до конца, и я захлопал.

Однажды ты принесла мне цветок, большой, тяжелый цветок магнолии. Он упал на землю во время дождя и теперь лежал, блестя, у меня на ладони. Кремово-розовый, его цвет сгущался к середине и был бледным на концах восковых лепестков. Я вставил его в бутылку с водой и отнес после работы домой. Твое внимание и нравилось мне, и одновременно напрягало. Оно было интенсивным, словно ты вышел под полуденное солнце. Я никогда не получал такого. Но я говорил себе, что ты ребенок и не осознаешь таких вещей. Ты просто чувствуешь то одно, то другое, чувства перескакивают от предмета к предмету, от человека к человеку. Скоро тебе надоест, и ты увлечешься чем-то другим. Но твоя привязанность, казалось, все не ослабевала.

Я решил, что, может быть, будет лучше слегка оттолкнуть тебя, отстраниться, стать менее доступным. В конце концов, мы же не хотим, чтобы ты сделала что-

то неблагоразумное. Так что я стал вежливым, но более закрытым. Я прятался в кабинеты, если замечал тебя в коридоре. Я говорил, что занят, встречаясь с тобой в библиотеке. Я выходил из школы в компании коллег. Я сидел на лужайке, погруженный в чтение. Ты озадачилась, но не отступила. Но чем больше ты добивалась моего внимания, тем меньше я старался давать его. Мне было тошно плясать этот ужасный танец, но я не знал, что еще делать.

Иногда я находил у себя на столе бумажных журавликов, а иногда стрекоз.

Сперва я собирал их, ставя на полку, словно беспорядочный неподвижный зоопарк. Потом попытался сказать тебе, что, может быть, лучше отнести их домой, чтобы удивить и порадовать родителей, но встретил только твой молчаливый взгляд. Когда я стал настаивать, ты ответила, что это невозможно, и ушла.

Это обеспокоило меня, но я не мог спросить тебя о таком напрямую. По крайней мере теперь. Между нами еще не было такого уровня доверия, и я не знал, будет ли оно вообще. Так что я поговорил с другими учителями, которые учили тебя дольше, и спросил у них, что они знают о твоей домашней жизни. Было высказано несколько предположений. Кто-то спросил, не сирота ли ты? Или же ребенок родителя-одиночки. Нет, сказали другие, дело совсем не в этом, но с твоими домашними обстоятельствами что-то немного не так. Потом твой учитель математики рассказал, что, если он не путает, с твоими родителями все в порядке, но они где-то в другом месте, а ты живешь, по крайней мере во время школьных семестров, у бабушки с дедушкой. Не то чтобы тебя бросили, добавил он торопливо, но твой отец работает в другой стране, а там совсем мало или вовсе нет приличных школ. Мне стало очень жаль и тебя, и твоих бумажных товарищей.

После этого я стал добрее к тебе.

Лепка из глины худо-бедно у тебя получалась, но я изо всех сил старался тебя подбодрить.

– Неплохая корова, – сказал я.

Ты посмотрела на меня с сомнением:

– Это должна была быть лошадь.

Я разразился торопливой речью на тему того, что искусство – в глазах смотрящего.

– Так что же, вообще не важно, что я пытаюсь изобразить? – спросил кто-то из учеников.

– Важно. Но вы не можете контролировать то, как это увидят другие.

После урока ты задержалась, выжидая, пока все уйдут. Интересно зачем. Вряд ли ты хотела поговорить о субъективности восприятия. Ты подошла, шаркая ногами, к моему столу. У тебя в руках были книги и тетради. Волосы, обычно заплетенные в косички, распустились, и лента свисала вниз по плечу. Тебе было двенадцать лет, и твои руки и ноги казались слишком длинными, словно принадлежали кому-то на десять лет старше. Я был уверен, что ты вырастешь высокой и очень красивой, даже если теперь ты похожа на неуклюжего, неловкого жеребенка. Ты взглянула на меня темными, как краска, глазами.

– А вы всегда хотели этим заниматься?

Я спросил, что ты имеешь в виду.

– Ну, этим. – Ты обвела рукой комнату.

Я откинулся в кресле. Никто не спрашивал меня об этом. По крайней мере тут. Я мог бы сказать тебе много всякого. Что, конечно же, я всегда мечтал работать с детьми, учить их видеть красоту и делать красивые вещи. Но я решил сказать тебе правду.

– Нет.

Казалось, ты не удивлена.

Опустив взгляд на свои руки, я поднял их и вытянул перед собой:

– Я хотел стать пианистом.

– Вы учились в музыкальной школе?

Я кивнул. Да, много лет. Я даже уже начал давать сольные концерты. В маленьком городке, где мы жили, не было большого простора для этой деятельности, так что я давал еще и домашние уроки, стараясь накопить денег, чтобы перебраться в большой город.

– А что случилось?

– Другими словами, почему же я оказался тут? Я попал в аварию… И повредил руки.

С жестокой прагматичностью ребенка ты поглядела на меня и сказала:

– Но вы же можете рисовать.

Я ответил, что только это теперь и могу.

– О, – произнесла ты и ушла. Может быть, мне не нужно было быть таким честным. Ты все же ребенок. С ограниченной возможностью понимания. На что я, собственно, рассчитывал? Симпатия? Сочувствие?

Я сидел один в классе, почему-то чувствуя себя дураком.

Ты не пришла на следующий урок. И на следующий за ним тоже.

Хоть я и делал вид, что мне все равно, я был обеспокоен. Что случилось, спросил я у других, почему тебя нет? Кажется, легочная инфекция. Ну, та, от которой кашель и высокая температура. Я боролся с собой, желая послать тебе пожелания выздоровления и одновременно сохранить дистанцию. Я знал, что одноклассники пишут тебе открытки, но не подписал ни одной из них и не написал ничего от себя лично. Через десять дней ты вернулась, бледная, ослабевшая, все еще кашляющая. Ты сильно похудела. Я сделал тебе маленький цветок из глины, раскрасил его в красный цвет и оставил на твоей парте. Я делал это для всех учеников, которые болели. В конце урока ты поблагодарила меня, но не задержалась в классе, как обычно. Почему-то я расстроился.

Ты показалась мне более тихой, чем всегда.

Ты перестала делать бумажных зверей и лепить из глины. Вместо этого ты начала раскрашивать лист за листом в глубокий ровный синий цвет. Затем в оранжевый. Затем в зеленый. Я шутил, что ты стала абстракционистом, но ты не смеялась.

Однажды я остановил тебя в коридоре и спросил, как ты.

Не глядя на меня, ты ответила, что все хорошо.

– Я слышал, что ты болела…

– Мне уже лучше, спасибо.

– Но что-то случилось? – не мог удержаться я от вопроса.

Не поднимая глаз от пола, ты покачала головой.

Я хотел сказать, что ты можешь поговорить со мной, что у тебя есть кто-то, кому можно все рассказать. Что я знаю, что ты живешь с двумя пожилыми людьми и тебе может быть одиноко. Но не стал. Я дежурно похлопал тебя по плечу, и ты пошла дальше.

Странно, но мне не хватало тебя, остающейся в классе после урока, и нашей прямой, состоящей из твоих вопросов болтовни. Мне не хватало твоего пения, твоих цветов, твоих постоянных вопросов, твоего внимания ко всем моим словам, даже к самым незначительным указаниям. Я надеялся, что к концу семестра все это может вернуться. Особенно когда я объявил, что у нас будет выставка всех наших изделий, сделанных за год. Большинство учеников было в восторге, все переговаривались и обсуждали, какие из работ лучше выставить. У некоторых было из чего выбирать. Но ты, казалось, даже не услышала того, что я сказал.

Я пропустил несколько уроков, прежде чем спросить тебя. В тот день ты снова задержалась, правда, не нарочно, а потому, что стопка твоих рисунков упала на пол, разлетевшись, словно листья.

– Ты подумала о том, что…?

Вздрогнув, ты уставилась на меня.

– Что бы ты хотела выставить… На выставке конца года…

Ты казалась невозмутимой. Невыносимо.

– Да…

– Прекрасно. И…?

– Я еще не решила… Я не знаю…

Я было начал предлагать что-то, но остановился. Что я делаю? Это же, несомненно, лучший способ убедить тебя не участвовать.

– Ну… Если тебе понадобится помощь, скажи мне.

Ты кивнула и вышла из комнаты, шаркая ногами.

Но однажды, когда я уже перестал надеяться на то, что ты станешь прежней, ты задержалась в классе после урока. Я сидел за столом, рассматривая какие-то рисунки к нашей выставке.

– Что произошло?

Я озадаченно посмотрел на тебя.

Ты подошла ближе, прижимая к груди стопку книг. Ты так и не набрала свой вес после болезни, и твои щеки остались бледными и впалыми.

– Ты о чем?

Ты показала на рисунки.

– Я пытаюсь подобрать рамки… – начал я.

– Нет, – перебила ты. – Я имею в виду, с вашими руками. Что произошло?

Я понял, но не хотел отвечать. Но ты настаивала.

– Вы сказали, была авария… И вы больше не могли играть на рояле…

– Играть я могу, – ответил я и добавил: – Но только немного…

Ты молча глядела на меня, ожидая объяснений.

Я отложил рисунки.

– Я получил работу в хоре… Прекрасная детская группа… Ангельские голоса и всякое такое… Это не было… – Я рассмеялся. – Мы в основном исполняли гимны, но за это хорошо платили, и я мог оплачивать свои занятия музыкой…

Ты не отрывала от меня глаз. Я не знал, куда смотреть – на тебя или на свои руки. Я отвернулся к окну, в которое падали лучи позднеполуденного солнца, оставляя на полу яркие пятна.

– Мы ехали на концерт в соседний город… Все мы, весь хор, на автобусе… Шел дождь… Наверное, я задремал… Я помню, что проснулся от толчка… Жуткий скрежет… Автобус смяло, как консервную банку… Сиденье перед нами внезапно прижало нас. Если бы я не… не сунул руки между мальчиком, который сидел возле меня, и металлической ручкой, я думаю, его раздавило бы…

– Вы спасли ему жизнь?

– Ну, наверное… Я хочу думать, что да… Но я не знаю.

– И вам переломало кости?

Я кивнул. Некоторым образом я был тебе признателен за стоическое отсутствие эмоций. Большинство взрослых на твоем месте уже начали бы изливать потоки сочувствия, а я никогда не знал, как отвечать на их «Мне так жаль… Так жаль… Это ужасно… Какая трагедия…». Обычно я ограничивался кратким «Спасибо» и погружался в молчание.

– Да, в нескольких местах. – Я поднял левую руку. – Сквозь нее проходит стальной стержень.

– И вы пищите в металлоискателе аэропорта?

Я засмеялся, ты засмеялась, и комната внезапно наполнилась светом.

– Болит?

– Иногда.

И тут ты задала мне вопрос, которого раньше не задавал никто.

– Если бы вы снова оказались в этом автобусе, вы бы стали делать это снова? То, что сделали?

Я ответил не сразу.

– Я бы хотел сказать «да»… Но, честно говоря, я не уверен.

Ты не казалась разочарованной. Ты просто кивнула, словно это был деловой разговор. Я тоже в свою очередь хотел задать тебе несколько вопросов, о тебе, о твоих домашних. Но все это выглядело так, будто тебе на руку присела птичка, клюющая крошки с ладони. Не время делать резкие движения, издавать звуки и пугать ее.

Выходя из класса, ты обернулась.

– Знаете, – сказала ты. – Думаю, вы бы стали.

Скоро наступал конец семестра, и мы начали оформлять выставочный зал. Ты так ничего и не представила. Я был слегка разочарован, но не сильно удивлен. Я даже не мог использовать фразу, которую применял к другим детям: «Как, разве ты не хочешь, чтобы твои родители гордились, увидев твою работу?» Я не был уверен, что твои вообще придут. И не хотел напрягать тебя, говоря: «Бабушка с дедушкой». Не знаю почему, но я чувствовал, что в твоей семье сложная ситуация. Ну, или я так к ней относился.

Когда работы расставлялись, ты слонялась вокруг.

Думая, что ты этого ожидаешь, я не стал спрашивать, где твоя работа. Я спросил, что ты об этом думаешь.

– О чем?

– Обо всем этом… – Я обвел рукой зал, наполненный картинами, рисунками, скульптурами.

– Я хочу посмотреть, как будет, когда все закончат.

И больше мне не удалось извлечь из тебя ни слова. Но я видел, что ты внимательно наблюдаешь, как все расставляется по местам. Тогда у меня даже не было времени спросить, зачем и почему. Это было первое большое событие для меня, оно должно было стать впечатляющим и иметь значение… Ну, какое-то.

В тот вечер я ушел поздно, когда все детские работы были расставлены. Мне казалось, что все получилось довольно красиво. Жаль, что ты не стала в этом участвовать. Я подумал было поставить в уголке несколько бумажных фигурок, которые ты подарила мне, но удержался. Это твой выбор, и я должен его уважать. Очевидно, ты не чувствовала себя настолько частью класса, чтобы тебе хотелось участвовать в выставке.

На следующий день я пришел в школу рано и сразу отправился в зал. Но кто-то успел прийти туда раньше меня. Об этом мне сообщил школьный охранник.

– Одна из учениц, – сказал он. – Она сказала, вы ей разрешили… Дали специальное разрешение… Что-то там поставить. У нее с собой было полно барахла…

– В смысле? – Меня охватила паника. – Какая ученица? Что у нее было?

Он пожал плечами, явно не понимая моего беспокойства:

– Ножницы… бумага… всякое такое…

– Я никому не разрешал ничего делать.

Наконец, он тоже начал слегка беспокоиться:

– Не разрешали?

Я покачал головой.

Он завозился с дверью, отпирая и распахивая ее. Мы быстро пошли вдоль коридора.

В моей голове уже представали сплошные руины. Рисунки, вырванные из рам, разорванные и разрезанные на кусочки. Порванные холсты, разбитые на куски и раскиданные скульптуры. Я еле сдерживал ярость. Кто мог все это сделать? И зачем? На какую-то секунду я подумал о тебе, но заставил себя выбросить это из головы. Почему я вообще подумал о тебе в первую очередь? Может быть, из-за твоей мрачности, одиночества, частой смены настроений? Но ты не все время была такой. И никогда не казалась мне злобной. Хотя кто знает? Дети могут быть очень странными. Я попытался выкинуть это из головы до того, пока мы не войдем в зал. Мы с охранником молчали.

Я вошел. Все было на местах, точно так же как я оставил предыдущим вечером. Ничего не было разбито или сдвинуто с места. Никто ничего не касался.

– Все в порядке? – спросил охранник.

Я кивнул.

– Ну, слава богу.

И тут я увидел. То, ради чего ты приходила с утра пораньше.

На двери, ведущей из зала, с дальней стороны комнаты, была белая занавесь.

Я не мог сказать, что это, ткань или ленты, пока не подошел ближе.

Бумажные журавли. Нить за нитью. Я осторожно коснулся их, и они зашуршали у меня под рукой. Чисто белые. Ровные и одинаковые. Сделанные с индустриальной точностью.

Их была тысяча. Я знал это, не считая.

Говорят, если сложить тысячу журавликов, твое желание исполнится.

Хотел бы я знать, что же ты загадала.

Я так надеюсь, что у тебя все сбудется.

Мясник

Я люблю тебя. И я едва тебя не ударил.

Ты забилась в угол, крича на меня, и я поднял руку. Я до сих пор вижу, как у тебя расширились глаза, а рот приоткрылся в немую «О», словно все слова замерли в горле от удивления. И страха.

Тот вечер начинался совсем не так. Нет, у нас все начиналось не так.

Я помню, как тогда, несколько лет назад, увидел тебя у костра в новогоднюю ночь. Все было светящимся и теплым, озаренным отсветом пламени. Я скручивал сигарету, и ты встретилась со мной взглядом. Потом был миллион других

взглядов искоса, улыбка-другая, смех. Все постоянно менялись местами, вставая долить себе выпивки, сходить в туалет, найти сигареты и спички. В какой-то момент оказалось, что мы сидим рядом. Я протянул тебе сигарету, и ты осторожно затянулась, выпуская большую часть дыма изо рта. Мне так хотелось сказать что-то умное или хотя бы смешное, типа цитаты из книги, чтобы, как бы у нас потом ни сложилось, всерьез или нет, у нас всегда оставалось бы это начало. Но вместо этого, забирая у тебя сигарету, я тупо спросил:

– Ничего так, да?

И в одну секунду все стало зыбким.

Ты была старше меня.

Я только поступил в университет, а ты была на последнем курсе.

– Пожалуйста, не спрашивай: «Что дальше?..»

Я как раз собирался, но возразил, что даже и не думал, и вместо этого заговорил о погоде. Что-то страшно важное на тему того, как похолодало. Ты не ответила.

Черт. У меня получался какой-то ужасно банальный разговор. Но я нервничал из-за тебя. Даже при том, что мы только что встретились, я чувствовал, что мне надо казаться лучше, чем я есть и чем всегда был. Подарочной версией себя, более яркой, какой-то блистательной. Много позже я буду объяснять себе это чем-то более простым. Ты вызывала у меня трепет. Словно была редкой птицей, случайно залетевшей в мой сад. Это прозвучит глупо, но тогда одно то, что ты можешь выбрать меня, казалось невероятной привилегией. Я никогда так не радовался, что уехал из дома, из городка на востоке страны, и перебрался в столицу, город, где не было реки. У меня всегда было ощущение, что здесь все гораздо больше, что все оно движется в безумных ритмах и что здесь встречаются люди вроде тебя. Тем вечером я сидел возле тебя, курил сигарету за сигаретой, и мой восторг вздымался до небес. Так вот как оно бывает, думал я, когда путешественник достигает цели своего похода. Ты – неизведанный континент. Страна, которой нет на карте. А для меня, некоторым образом, целый мир.

Тем вечером у костра начался разговор.

У нас там была странная компания. Все мы собрались на выходные в этом местечке в горах. Дешево. Хорошая трава. Популярно среди туристов. В доме, где мы остановились, была большая терраса, и все набились туда. Иностранцы, местные, большая студенческая компания из города. Полночь еще не наступила, но было достаточно поздно, чтобы в пара?х дешевого алкоголя зародился дружеский треп. Светские беседы закончились, охотничьи рассказы отзвучали. Пришло время пьяных рассуждений.

Кто-то спросил:

– Ну и что бы ты делал, если бы можно было предвидеть?

– Что? – переспросил я. Я не прислушивался.

– Горе.

Я сказал, что не понимаю.

Будущее горе в лице того, кого только что встретил.

– В смысле?

– Горе, которое ты причинишь. Кому-то, с кем будешь близок. Если бы ты мог предвидеть его, тебя бы это остановило? Рискнул бы ты испытать пророчество?

Я сказал, что рискнул бы.

Посыпались разные мнения. Это жестоко. Нет, конечно же, если знать заранее, то можно всего избежать. Да, но не таковы ли все пророчества? Они исполняются. Спор продолжался. Мне это надоело. Но ты, я заметил, промолчала.

Потом я ушел в спальню с одной французской туристкой. Для меня это было не впервые. Дома я тоже спал с одной девушкой до того, как уехать в столицу. Мы лежали голыми в постели в подвале у моего друга, слышали угрожающие крики, доносящиеся из темного окна, а потом кто-то начал швырять камнями по крыше.

– Что там происходит? – испуганно спросила она.

– Нас кто-то заметил, – ответил я. Возможно, это были противные соседи моего друга. Они были страшно религиозны.

– Давай не будем? – спросила она.

– Нет.

Я уже был почти в ней. И когда я вошел, то содрогнулся и замер меньше чем за минуту. С французской девушкой все было не так быстро. Она издавала тихий восторженный писк, который меня отвлекал. Было холодно. Постель казалась ледяной. Я был неловок. Ей нравилось кусаться, и я вздрогнул, когда она чуть не до крови впилась мне в губу. Но мне нравились ее светлые волосы, и тонкая талия, и длинные ноги, которыми она меня обхватила. Наконец, я зарылся лицом ей в плечо, повыше маленьких грушевидных грудей, вонзился глубоко и крепко, и все довольно быстро завершилось. Я думал о тебе у костра.

Я увидал тебя снова только через месяц. На студенческой вечеринке, уже в городе, где не было реки. Одно из тех дурацких сборищ, которые обычно кончаются пьяными скандалами. Я обнаружил тебя на балконе, и ты, казалось, никого не ждала. На этот раз я точно решил сказать что-то запоминающееся.

– Куда ты делась, когда мы все накурились?

На секунду ты показалась озадаченной, но потом улыбнулась.

– Я вернулся с новым косяком… А ты уже ушла.

– Я замерзла… И хотела спать.

Я закурил и оперся на перила.

– А ты хорошо провел время… той ночью?

Я кивнул, вспышкой вспомнив белокурую девицу.

– Но было бы лучше, если бы там была ты…

– Сейчас я здесь.

– Надолго?

Ты взглянула на свой почти пустой пластиковый стаканчик.

– На сколько хватит выпивки.

– Значит, минут на десять.

Когда ты рассмеялась, мне захотелось тебя поцеловать.

Выяснилось, что ты тоже жила в маленьком городке на востоке. Но в другом, более дорогом районе. И что ты уже несколько лет живешь здесь. «И, возможно, иногда еще кое-где», – добавила ты. У меня было чувство, что ты можешь оказаться еще большим бродягой, чем я. Я-то, хоть и хотел убежать, знал свои корни. Тем вечером я подвез тебя домой на своем мотоцикле. Я ехал медленно, потому что мне хотелось показать, что я надежный водитель. Ну и чтобы поездка длилась подольше. Твои руки, обхватившие меня, твоя грудь, прижимающаяся к моей спине.

Когда мы приехали, я спросил: «Мы еще увидимся?»

Ты кивнула. Махнула рукой и исчезла.

Удивительно, поначалу у нас почти совсем не было ссор.

Я не был привычен к такому.

Мне было только двадцать два, но жизнь была длинной.

Я начал изучать то, что считали полезным мои родители. Но всего два семестра биотехнологий, и я провалил все экзамены, потратил все деньги на обучение за целый год и перевелся на другой факультет. Мой отец, физик, естественно, был взбешен. Но мама, более мягкая из них, убедила его оставить меня в покое. Если я хочу изучать графический дизайн, пусть так и будет.

И это они еще не знали, что вообще-то я хотел стать музыкантом.

– Ты хорошо играешь, – сказала ты.

Мы были в гостях, и там, в гостиной, мне в руки случайно попала гитара. «Спасибо, – ответил я. – Я сам научился».

Я не сказал тебе, что родители учили играть на пианино только мою сестру. Они думали, что мальчик не будет – нет, не должен – интересоваться такой ерундой.

Ты пододвинулась ко мне поближе. На тебе была длинная шерстяная юбка, потрепанная кожаная куртка и водолазка. Волосы были убраны вверх и выбивались по краям.

– Что тебе сыграть?

– О, да он берет заказы, – прокричал кто-то с другого конца комнаты.

– Не у тебя, Бонго, – крикнул я в ответ.

Ты сказала, «что хочешь», и я стал играть песни, которые знал лучше всех. Немного Марли, и Led Zep, и Дилана, и Клэптона. Иногда ты подпевала мне негромким, приятным голосом.

– А что-нибудь из Битлов?

Вдруг мне показалось, что у меня есть только один шанс выбрать нужную песню. Что в этом будет все дело. Я быстро перебрал в голове те, что знал. «Come together», «Penny Lane», «Yellow Submarine», «Eleanor Rigby». Все они казались неподходящими, но тут я вспомнил одну, про дрозда и сломанные крылья[1 - «Blackbird» (англ.).]. Приятно сложная мелодия, приятно простые слова. Оказалось, ты знаешь ее наизусть. Строчку за строчкой. Комната затихла, воздух наполнился лишь звуками гитары и твоего голоса. Я знал, что, как бы то ни было, когда я вечером отвезу тебя домой, мы будем целоваться.

Ты делила квартиру с еще двумя девушками. Район был лучше, чем тот, в котором жил я, с широкими улицами и деревьями. Когда я увидел твою комнату, там были разноцветные шторы на окнах, низкая кровать, лоскутный ковер и фотографии, стоящие на буфете. Высокий бумажный торшер ты обмотала ярким шарфом. Все это было гораздо красивее, чем то, где жил я еще с тремя парнями, и все было закидано грязной посудой, брошенными ботинками и пустыми бутылками. Нам повезло, сказала ты, когда я в первый раз остался у тебя, что хозяин живет в другом доме и не будет высказывать неодобрения нашей «нескромности».

Я был выше и крупнее тебя, но мы вполне умещались в кровати, которая была странного размера, где-то между одинарной и двойной, если я прижимался спиной к стене. Ну и если мы особо не шевелились.

Мы особо не шевелились, но мы разговаривали. Мне понравилось, что когда я однажды, поздно ночью, в темноте, сказал, что хотел бы создать свой ансамбль, ты не стала смеяться.

Расхрабрившись, я дал тебе послушать песню, которую втайне записал еще у себя дома. Она была резкой и грустной, про человека, который пьет на парковке. Сейчас я не думаю, что она была хороша, но ты внимательно слушала и сказала, что у меня получилось отлично.

– Но я могу еще лучше. – С тобой, хотел добавить я, я чувствую, что все могу лучше.

Ты редко говорила о себе. Только однажды рассказала о своих родителях и о том, как они всегда жили где-то далеко из-за работы твоего отца.

– Я всем говорила, что они умерли. Что они погибли в автокатастрофе.

– Зачем? – спросил я в изумлении. – Почему ты так говорила?

Твой голос тихо звучал в темноте.

– Потому что я злилась. Они все обещали, что вернутся ко мне, но никогда не возвращались.

Другой ночью, когда каждый из нас выпил не по одной порции пива, ты рассказала, что как-то, когда родители уехали после ежегодного визита, ты заболела, и лихорадка длилась несколько недель.

– Мне было одиннадцать… двенадцать… Я не могла понять, почему они всегда бросают меня…

Я пообещал сам себе, что никогда тебя не брошу.

Но потом обнаружил, что сдержать это обещание было невозможно.

Когда пришло лето, мы стали вести ночной образ жизни.

Мы возвращались из университета в темные дома, и звуки чужих электрогенераторов пронзали воздух, словно приглушенный артобстрел. Спать было невозможно. Жар исходил от стен, полов и любой поверхности, которой мы касались. Мы ведрами лили на пол воду, мы мочили насквозь простыни, но жара была невыносимой. Так что мы садились на мотоцикл и ехали в центр города, где улицы были широкими, а богатенькие жители крепко спали в своих кроватках под журчание кондиционеров, которые никогда не ломались и не выключались.

– Суки! – орали мы, проезжая мимо их ворот, взрывая тишину ревом моего мотоцикла. Потом мы тормозили возле какого-нибудь куска земли, покрытого травой, уже усиженного такими же беднягами, притащившимися сюда среди беспокойной, бессонной ночи. Иногда мы покупали в палатке с мороженым леденцы из апельсинового льда. Я грыз свой целиком, а ты высасывала из своего

сок, пока лед не становился белым.

– Ты вампир.

И ты притворялась, что кусаешь меня за шею, а я прижимал тебя к траве и хотел задрать тебе юбку.

Буйные дети.

Когда лето остыло и на севере начались дожди, мы отправились в горы. Наше первое путешествие. И тогда же у нас случилась страшная ссора. Первая из многих.

Сперва мы проехали свою остановку. Мы должны были сойти в шесть утра, но оба проспали, зарывшись в куртки и пледы на холодных жестких сиденьях. Когда мы проснулись, то оказалось, что мы уже три часа как проехали нужное место, и нам пришлось возвращаться на жутких местных автобусах.

Когда мы все же добрались до города в горах, то не могли договориться, где остановимся.

– Тут слишком шикарно, – прошипел я тебе в ухо в отеле, где за ночь брали пять сотен.

– Ну а куда ты хочешь?

– Куда-нибудь еще. – Я не добавил «подешевле».

– Мы провели в дороге двадцать часов, а ты хочешь, чтоб мы еще тут по округе таскались?

– Но это же первое, что нам попалось на глаза.

И мы отправились на поиски, но все, что мы находили подешевле, ты отвергала. Слишком грязно. Слишком тесно. Сырые стены. Так что в конце концов мы

вернулись туда, откуда начали.

– Я заплачу за нас обоих, – заявила ты.

Это разозлило меня еще больше.

– Дело не в чертовых деньгах, – сказал я. Дело было в них, и не в них, и я знал, что ты все равно не поймешь.

Вечером, когда шаткий мир был восстановлен, мы вышли в город. Почти сразу к нам подвалил грустный красноглазый крысоподобный торгаш. Он затрусил со мной рядом, спрашивая, не хочу ли я купить травки.

– Не обращай внимания, – сказала ты, но было уже поздно. Я уже спросил: «Сколько?» Я не сумел удержаться. Это произошло на автомате.

Он назвал какую-то совершенно безумную цену и больше не отставал от нас. Ты не сказала ни слова, но я чувствовал твою молчаливую, жаркую ярость. Когда эта крыса засунула траву мне в карман куртки и стала делать вид, что я не хочу платить, я просто взбесился. Я отдал ему чертовы деньги и тут же выкинул эту дрянь в ближайшую урну.

– Ладно, извини, да? – сделал я попытку, но ты продолжала молчать.

Мы добрались до ресторана на крыше, где по краям террасы сидели на подушках такие же походники, потягивая пиво. Все стены были расписаны граффити, на бамбуковых шестах висели лампады. Мы поели, и настроение улучшилось. Мы снова начали разговаривать. Сняв ботинки, ты засунула под меня ноги в носках, чтобы согреть их. Я заправил тебе за ухо прядь волос. Быстро сгустилась тьма, и горы позади нас растворились в ней. Алкоголь согревал. Мы прижались друг к другу. Снизу принесли гитару.

– Кто сыграет? – спросил ее владелец.

Ты дернула меня за руку.

Вечер прошел в тумане из музыки и песен, дыма и незнакомых лиц. Вокруг меня толпились люди с бутылками в руках, стаканы блестели, как звезды. Мой голос, их голоса, наши голоса плыли над крышами города. Там была женщина с длинными светлыми волосами, в тибетской куртке, и она улыбалась мне. Парень с серьгой в ухе тоже улыбался и много курил. Все знали все песни, которые я пел. Это был один из тех моментов, когда ты чувствуешь, что музыка может все исправить и что мир, в конце концов, не такое уж и дерьмо. И, пока мы не перестанем петь, все останется вот таким, застыв в этом прекрасном моменте.

На следующий день ты исчезла.

Я проснулся в отеле в одиночестве. Все было смято и скомкано. Постель, не я. Хотя мне тоже было хреновато. Подушка с твоей стороны была пуста. Я окликнул тебя. Может, ты вышла в сортир. Позвал снова. Оторвался от кровати и проверил, уже начиная пугаться. Кажется, твоя постель была смятой, вроде ты там спала. Но как можно сказать наверняка? Мы же точно вернулись вместе. Или нет? Да, кажется, мы вместе втащились сюда уже под утро, я еще весь светился после выступления. Казалось, я никогда не играл лучше, более мастерски. Я помнил все слова и ловко справлялся со сложным струнным перебором. Я вспомнил, что, когда мы добрались до комнаты, я пьяно облапил тебя, такой счастливый, задрал свитер, гладил руками грудь, целовал в шею. Кажется, ты отпихнула меня. Должно быть, перед тем как заснуть, я попытался снова.

Теперь, с утра, все это возвращалось ко мне отдельными всполохами.

Я не знал, с чего начать, но вышел наружу. Парень за гостиничной стойкой, которого я спросил, не видел ли он тебя, понятия ни о чем не имел. Город был крошечным, но показался мне бесконечным. Я шел по главной улице, утыканной одежными магазинчиками, еще закрытыми ресторанами, тут и там женщины, укутанные в платки, продавали дымящиеся клецки. Может, ты проголодалась и вышла поискать чего-нибудь поесть? Может, я сейчас найду тебя стоящей возле одного из уличных торговцев с лепешкой в руке. «На», – скажешь ты, протягивая мне кусок. Твои глаза, как обычно, будут в размазавшейся несмытой подводке, волосы скручены в небрежный пучок. Внезапно твое отсутствие ударило меня в самый живот, как кинжал. Я должен найти тебя. Каким-то образом ноги сами принесли меня к месту, где мы были вчера. Вверх по лестнице, в ресторан на крыше, который был совершенно пуст, если не считать группы туристов, поедающих завтрак. Странно, но я не мог вспомнить, где ты была, пока я играл на гитаре. Конечно, рядом со мной. Или это была та баба со светлыми волосами в

тибетской куртке? Она была такой дружелюбной. Кажется, в какой-то момент она просила меня научить ее бренчать на гитаре.

За полчаса я исчерпал все возможности и исходил эту улицу до смерти. Меня разрывало между страхом и злостью. Какого хрена ты такое вытворяешь? Что, если с тобой что-то случилось? Я был голоден, с похмелья, и от этого во рту было горько и сухо. Я купил и сожрал тарелку клецок, и мне тут же стало стыдно. Нельзя терять время. Я должен найти тебя. Когда я уже решил, что идти больше некуда, я забрел на дорогу, ведущую из города, в сторону шоссе. Здесь тоже были магазинчики и кучка маленьких кафе. Я прошел мимо одного, расположенного выше остальных, на высокой платформе, со столиками на открытом воздухе.

Оно называлось «Кафе Солнца и Луны», и мне подумалось, что тебе могло бы это понравиться.

На террасе кто-то сидел, читая. Было похоже на тебя. Это ты и была.

Я облегченно вскрикнул. Ты поглядела на меня и снова вернулась к своей книжке. «Какого черта», – пробурчал я, взбегая по ступенькам.

– Где ты была? – спросил я. Еще до того, как ты успела ответить, я понял, какой это был дурацкий вопрос.

– Здесь.

– Почему ты ушла вот так?

Ты пожала плечами.

– Слушай, я волновался.

Ты что-то пробормотала.

– Это из-за прошлой ночи?

– А ты как думаешь?

Я ненавидел вот это. Отвечать вопросом на вопрос. Я только пытаюсь понять, что, к черту, произошло. Если я это делаю, мне не плевать. Чего тебе еще надо? Я глубоко вдохнул, стараясь сдержать захлестывающую меня ярость.

– Тебя что-то расстроило прошлым вечером… Правда, я ничего толком не помню…

Ты хохотнула и фыркнула с отвращением.

– Слушай, что?

– Как удобно.

– Мы много выпили…

– Да, немало. Вот только я почему-то не начала кидаться с объятьями на незнакомых блондинов.

– Я показывал ей, как играть!

– Ааа, вот как теперь это называется, когда кто-то изображает из себя рок-звезду?

В этот момент меня поразило, как точно мы знаем, куда ударить тех, кого любим.

Эта ссора продолжалась недолго. В основном, наверное, оттого, что мы были уставшими, по крайней мере, я точно. Ну и потому, что я все равно был страшно рад, что нашел тебя.

Мы вернулись в город, где не было реки. Что-то изменилось. Мы стали и ближе, и отдаленнее. Это кажется бессмысленным, но это было так. Ссора показала, сколько мы значим друг для друга, но глубоко ранила. Чертова катастрофа противоречий. Я смотрю на тебя, и мне хорошо, но я понимаю, что, если у кого-то есть надо мной столько власти, он может заставить меня почувствовать себя

последним дерьмом. Ты никогда больше не говорила, что я изображаю рок-звезду, но между нами вставали другие тени. Мы были как цирковые метатели ножей. И клоуны, и крошечная собачка с большим бантом, скачущая через обруч. Иногда мне казалось, что я – буквально все они сразу.

Еще хуже было то, что ты внезапно стала какой-то нервной. Я никогда не видел тебя такой. Ты постоянно жаловалась на город, на своих соседок, на университет. Тебе казалось, что все это зря.

– Это не то, чем я должна заниматься, – говорила ты. А когда я спрашивал, что ты хочешь делать вместо этого, ты не отвечала. Ты и сама не знала, и, думаю, именно это тебя и раздражало. А я не знал, когда и почему ты снова окрысишься.

Как-то я попросил взять у тебя пару тарелок для съемок в институте. Мы делали один видеопроект.

– Нет.

– Слушай, ну это же просто тарелки.

– Нет, – заорала ты, и твои глаза наполнились слезами. – Ты их разобьешь.

– Это просто чертова съемка, – заорал я в ответ и ушел, хлопнув дверью. Когда я вернулся, свет был выключен, а ты лежала в постели. Не знаю, спала ли ты, но разговаривать со мной ты не стала.

Однажды вечером мы смотрели кино. Я хотел показать тебе фильм, который мы сняли на курсе. Такое часто бывало. Ты советовала мне книжки, которые я заведомо не читал раньше, а я приносил фильмы на диске, которые записывал у ребят в универе. И, не прошло и пяти минут, едва успели закончиться начальные титры, как мы уже поссорились. Там был кадр с женщиной, лежащей в постели в одном белье, и я заметил, что у камеры «мужской взгляд». Так говорил наш профессор на курсе.

Ты закатила глаза:

– Что?

– Режиссер этого фильма – женщина… Так что это все чистая провокация.

Фильм мы так и не посмотрели.

Тем вечером, когда я чуть тебя не ударил, мы пошли в блюз-бар с живой музыкой. Я так любил эти вечера в городе. Там дома, улицы пустели уже в шесть вечера. А тут с темнотой все только начиналось. Даже если я не выступал сам, для меня не было большей радости, чем оказаться в центре событий. Когда мы выходили из дома, все было в порядке. Мы сели на мой мотоцикл и рванули на юг. Забрались по лестнице и вошли в полутемный зал. Там была сцена. И публика, с выпивкой в руках. Ансамбль настраивал инструменты. Проверял звук. Потом первая песня. Играли они хорошо. Не прям чтоб блеск, но мне было не важно. Все было в порядке, даже когда мы встретили несколько твоих знакомых и начали разговор. Когда ты отхлебнула свой напиток и начала кивать головой в такт музыке.

Понимаешь, вот в чем все дело. Я не мог отследить момент, когда все переставало быть в порядке. Это переключение занимало секунды.

Вдруг ты начала дергать меня за рукав, говоря, что хочешь уйти.

– Почему?

– Я хочу уйти…

– Но они только начали.

– Тут ужасно…

– Да нормально тут… Я хочу еще посидеть…

– А я не хочу.

Так и продолжалось. Оркестр как раз разыгрался как следует. Пространство наполнилось мощным блюзом. Меня начало раздражать все это.

– Оставайся, – ныла ты. – А я пойду.

– Нет, – я пытался перекричать музыку, – вместе пришли, вместе и уйдем.

– Это глупо… – начала ты, и тут я вскочил и вышел. Я знал, что ты идешь за мной, только потому, что слышал звук твоих шагов по ступенькам позади меня. Мы вышли наружу, в ночь. Ты что-то сказала, но я не расслышал из-за своей ярости. Я почувствовал, как что-то ударило меня по голове.

– Что за херня? – прорычал я, оборачиваясь. Ты швырнула в меня журналом. На секунду я задумался, где ты его взяла. Странно, да, какие вещи приходят в голову даже в такие моменты?

У тебя дома ссора продолжилась.

– Подумаешь, большое дело, – кричала ты. – Мог бы и остаться… А я бы ушла.

– Мы пришли вместе и ушли вместе, – орал я в ответ. Не знаю, чего я привязался к этой фразе. Но эта идея стала почему-то важной для меня. Мы орали вовсю, думаю, нас слышали и на улице, и все соседи сверху и снизу. Но мне было пофиг. Мы продолжали орать друг на друга.

– Ты швырнула в меня журнал…

– Потому что ты не мог остановиться и выслушать. – Твой голос был пронзительно-визгливым. Я не мог этого выносить.

Мне показалось, что ты подняла на меня руку. Так что я тоже поднял свою. У тебя расширились глаза, а рот приоткрылся в немую «О», словно все слова замерли в горле от удивления. И страха.

– Смотри, до чего ты меня довела, – заорал я. – Смотри, до чего довела! – Я стал худшей, самой злобной версией самого себя. Меня плющило, как кучу мусора. Я и был кучей мусора.

С тобой я был и лучше, и хуже себя.

Но даже еще не это нас развело.

Все продолжалось недели, месяцы. Больше года. Два. Однажды на чьей-то свадьбе ты вышла из себя, потому что я якобы слишком долго болтал с какой-то женщиной. В другой раз ты обнаружила в моем компьютере переписку с одной девушкой, совершенно безобидную по содержанию, но почему я тебе о ней не рассказывал? Когда-то, еще дома, я видел, как мясники режут мясо, и иногда отрезанные куски снова слипаются вместе, потому что линия разреза недостаточно ровная. Вот и мы были точно так же. Нам было плохо вместе, но что, если врозь было бы еще хуже? Я иногда думаю, что так оно и было бы. Потому что, несмотря на все, нам было здорово. Мы много пели под мою гитару. Бутылка виски. Ты танцуешь прямо на кровати. Мы катались по ночам по городу, и ели мороженое, и ходили на концерты.

Но, очевидно, всего этого было недостаточно.

Одним вечером, после ссоры я даже не помню из-за чего, я выскочил из твоей квартиры и пошел ночевать к своему другу. Мы пили. Кто-то готовил мясо. Мы курили траву. В какой-то момент, уже на рассвете, лежа без сна в незнакомой комнате, я послал тебе сообщение. Я знаю, что это поступок труса, но, может, я и есть только трус.

Я написал, что больше так не могу. Что все кончено.

Ты не ответила. Тогда. Может быть, и никогда не ответишь.

Я смотрю на экран. Подсветка постепенно меркнет и в конце концов окончательно гаснет, становясь совсем темной.

Хранитель

Ты была моложе меня раза в два, а может, и еще больше, но я увидел тебя и сразу же захотел.

Я и раньше испытывал желания такого рода. Грубые и простые, они узнаются сразу же, словно голод, и так же примитивны – изо рта напрямую в нутро. Но с тобой, однако, я не рискнул.

В такое позднее время это мог быть всего лишь алкоголь. Сколько я успел выпить? Наверняка больше, чем нужно. В голове звенела знакомая легкость, а зал, где все это и происходило, начинал подергиваться такой своеобразной мутноватой дымкой.

Я заметил тебя сразу же, как только ты вошла. Ты замерла в неуверенности, огляделась и направилась через всю комнату туда, где был выход на небольшую лужайку. И остановилась возле небольшого светящегося камина. Почему ты так сделала? Ну, это был декабрь, довольно холодно, а твое платье – или то, что называлось этим словом – не могло особенно тебя согреть. Это было что-то среднее между кимоно и лабораторным халатом, с рукавами, которые болтались, как крылья мельницы. На моей жене это выглядело бы как странный банный халат, но тебе шло, придавая налет определенной драматичности. Ты казалась женщиной, с которой постоянно что-то происходит.

Я наблюдал за тобой на расстоянии, прихлебывая виски – и то, и другое было этаким неспешным удовольствием. Меня привлекало твое лицо. Этот нос, изгиб бровей, что-то в линии подбородка. У тебя были длинные волосы, но ты убрала их, заколов наверху и открыв прелестную шею. В детстве ты, должно быть, была неловкой и неуклюжей, я почти уверен в этом, но сейчас это прошло. Будь я поэтом, я бы нашел способ описать твое тело, как оно того заслуживало. Но мне на ум приходило только дерево, кипарис, листья которого переливаются в солнечном свете.

Я наблюдал, как ты с непроницаемым лицом смотришь в огонь камина. Задумалась? Скучаешь? Тебя утомило твое окружение? Размышляешь, не поджечь ли тут все вокруг? Какое-то время к тебе никто не подходил, и ты стояла одна среди мельтешащей, меняющейся толпы. Казалось, ни ты не знаешь тут никого, ни тебя никто не знает. Но в таком случае как ты здесь оказалась? Я подошел поближе, но меня окликнули какие-то знакомые. Так трудно не

столкнуться с кем-либо, кого знаешь. Тут было много народу, всюду кишели ушлые журналисты и потрепанные писатели. Ладно, это было нечестно и неправда. Это было милое культурное общество; все были давным-давно знакомы между собой и очень гордились своими разветвленными социальными связями и благими намерениями. Я уже не помню, была ли это презентация какой-то книги или что-то в подобном духе. В большей степени, конечно, только повод собраться всем вместе, напиться умеренно дорогим спиртным, посмотреть, кто с кем пришел и кто из новеньких появился на сцене. Их можно было заметить издалека. Они много и часто улыбались, очень старались и говорили что-то типа: «Да, я поэт».

Возможно, ты была подружкой кого-то из этих новеньких, потому что ты не совсем вписывалась. Ты казалась – а я вовсе не склонен к использованию этого слова – какой-то нездешней, неземной. Я вдруг испугался, что ты можешь уйти в тень на краю лужайки и исчезнуть там. Если я сейчас не заговорю с тобой, ты отойдешь от огня, и я тебя потеряю.

Так что я подошел к тебе и спросил, почему ты не встанешь поближе к камину.

– Это бессмысленно.

– Спасти себя от того, чтобы замерзнуть до смерти?

– Возможно. Но ведь согреть, скажем, только руки гораздо хуже, нет? Ну или только – спину? Мне показалось, что ты едва не сказала «задницу», но, возможно, я показался тебе слишком приличным (читай: старым), а ты еще недостаточно выпила. Ну и, конечно, тогда мы еще были не знакомы.

– Я предпочитаю замерзнуть вся.

– Ну или вся согреться.

Не прозвучало ли это дешево? А я еще специально сказал «согреться» вместо «разогреться».

Ты обернулась ко мне.

Твой взгляд упал на мою шею. Я уверен, что ты подумала: «О боже, он носит шейный платок». Я всегда считал, что мне это идет и что в галстуках есть что-то плебейское. Но, возможно, в твоих глазах это выглядело просто устаревшим. Мне немногим больше пятидесяти, но в двадцать с небольшим это кажется чем-то за пределами световых лет.

– Мы знакомы? – спросила ты, уставившись на меня.

Я почти незаметно покачал головой. Вдруг я ясно представил, как обнимаю рукой твою талию, предпочтительно обнаженную. Ужасно непристойно.

– Это платье? – услышал я собственный идиотский вопрос.

Обычно я не таков; ведь все это простая, хорошо отрепетированная рутина, ну разве что другая сторона обычно не бывает такой обезоруживающе юной.

– Я хотел сказать… это потрясающий наряд.

– Спасибо. – Ты подняла руку, и рукав скатился по ней, как волна.

– Где вы живете? – спросил я.

– Там. – В квартире с еще двумя соседками.

– Чем вы занимаетесь?

– Особо ничем.

Ты мне нравилась. Вот правда нравилась.

Я спросил, утруждала ли ты себя когда-либо какими-то скучными вещами… ну, типа занятий в университете.

Да, и ты уже закончила. Уже несколько лет назад. И, если уж я действительно хочу знать, добавила ты, ты только что уволилась со своей первой работы. Какая-то ерунда в одном из издательств.

– Чем вы теперь хотите заниматься? – Едва я спросил это, как почувствовал, что пал в твоих глазах еще ниже.

Но твой ответ был короток и ясен:

– Я не знаю.

Я не сдержался и рассмеялся.

– Простите, – сказал я, – но я так давно не слышал такого. Вот она, привилегия юности, вызывающая зависть у стариков.

– Вы не старик.

Я приподнял бокал.

– Вы так любезны, – и ушел.

Остаток вечера я провел в надежде, что это сработает.

Вместо докучливого присутствия, как мог бы сделать кто-то другой, вместо продолжения разговора было гораздо умнее исчезнуть и понаблюдать, станешь ли ты отыскивать в этой комнате мое лицо, станешь ли встречаться со мной взглядом, если я пройду мимо. Я решил, что снова подойду к тебе уже только ближе к концу вечера – небрежно возникну возле тебя, словно из ниоткуда. Осторожно держа перед собой бокал. (Я воображал, что у меня, что называется, пальцы пианиста. Это считается артистичным и изящным, не правда ли? Этакая поэтическая чувственность?)

Но вместо этого ты сама отыскала меня.

– Знаете, я действительно так думаю.

– Думаете что?

– Что вы не старик.

– Как мило, что вы об этом напоминаете.

Ты густо покраснела и извинилась.

– Я пошутил…

– Нет, я не должна была…

Со временем я узнал, что ты могла испытывать ненормальную, избыточную неловкость перед незнакомыми. Когда мне наконец удалось убедить тебя, что все в порядке, я предложил подбросить тебя домой. «Мне по пути, – сказал я. – И это будет лучшим доказательством, что у меня не осталось недобрых чувств».

В машине мы молчали, прислушиваясь к тихому урчанию мотора. Фонари мелькали в лобовом стекле, как метеоритные дожди. Город был окутан серой дымкой и зимним запустением. Небо рассекал одинокий самолет.

– Когда я смогу снова вас увидеть? – спросил я.

Через год на этой же вечеринке.

– Какое облегчение.

Ты рассмеялась.

Я потянулся и поцеловал тебя, скользнув языком по твоим губам.

Загадка, что находит в этом даже такой, как я, столько проживший и знающий, повидавший уже все, что только можно повидать в этой реальной жизни.

Мы почти доехали, так что я начал мягко настаивать. Сходить пообедать? Выпить?

Ты медлила с ответом, и я вообразил, что нужны какие-то объяснения.

Я не носил обручального кольца, сняв его много лет назад. Оно больше не налезало, и я собирался отдать его увеличить, но так и не дошел. Ты была так молода, что я мог тебе сказать? Иногда, с другими, приходилось непросто, когда всплывал вопрос о моей жене. Любил ли я ее? Был ли у нас один из тех браков, которые со временем превращаются в безразличие? Возможно, это и было так, но я никогда не оставлю ее. Мы не спали в раздельных спальнях – никакой подобной пошлости, – но мы жили совершенно раздельной жизнью. И так было уже давно. Какие-то любовницы появлялись и исчезали. Какие-то задерживались дольше, потому что я тоже был их секретом.

Мы остановились возле твоих ворот.

– Все довольно сложно, да? – спросил я.

– Почему?

У тебя была манера произносить это слово, когда тебе был нужен честный ответ.

– Потому что я намного старше… И эта история с браком… – начал мямлить я, занервничав.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Blackbird» (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/par-yat_dzhanis/devyat-kamer-ee-serdca

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити